

Виталий Камышев

Необходимость Вампилова

Александр Вампилов.

ции». Убрать Зиловых для начала хотя бы из нашего поля зрения — чтобы не смущали и не портили картины.

(В 1997-м, спустя годы, Н.Тендитник остается при своем мнении, в статье к 60-летию драматурга упоминая «отвратительный и страшный облик поколения ни во что не верящих, цинично прожигающих жизнь молодых»).

Но стоит предположить в поступках Зилова изначально сознательную злую волю — и пьеса тут же лишается глубины, более того, становится вообще непонятной: ведь герой Вампилова делает все себе во вред — пьет, иронизирует, глумится надо всем; если это своеобразный способ самоуничтожения, то в чем же смысл такого «паразитирования»? И как объяснить тогда слова Вампилова, сказанные им на художественном совете в иркутском театре, где он отстаивал в свое время (и не смог отстоять) «Утиную охоту»: «Это я, понимаю?.. Пишут о «потерянном поколении». А разве в нас не произошло потерь?» Слова эти запомнили многие друзья драматурга.

Ближе к истине критик Виктор Демин: «Драма Зилова — драма неверия. С детства впитал он в себя неверие в соборы, но на каком-то году кончилась у него и вера в планетарий. Подвернулась любовь, да к кому — девушке, чистой, как слеза... Но он-то неверующий, с самого начала знает, что и это пройдет. Полный, законченный атеист, он больше всего тоскует по святине, которую, однако, не в состоянии сам, собственными силами соорудить в душе».

Но что, если все... наоборот?

Человек без святости, без опоры в душе отнюдь не пренебрегает внешними приличиями. Воспринимающий жизнь исключительно с ее «лицевой», формальной стороны, он как раз подчеркнута внимателен к расхожей морали и социальным ритуалам. Иначе — на что же еще опереться ему?

Вампиловский Зилов совсем другой. Его юность пришлась на конец 50-х, время больших и неопределенных надежд, вызвавших к жизни и соответствующее романтическое мироощущение.

Зиловы начинали жить как бы в

двух мирах одновременно: мире их романтических представлений, внутреннем духовном мире, и в мире реальном, к которому они относились как бы не вполне всерьез. А потом наступило мрачное похмелье «застоя», совпавшее с естественным «кризисом зрелости», тем («биологическим» ли только?) моментом в жизни человека, когда приходит пора подводить «предварительные итоги», когда «сыновья» сами становятся «отцами».

Характерная фраза из воспоминаний режиссера Сергея Соловьева о Геннадии Шпаликове: «Времена стали меняться. Перемены происходили исподволь, так, что сначала никто не понял ничего... Открыли Театр на Таганке, но зато закрыли иные фильмы. И хотя одно вроде гармонично уравновешивало другое, но улечивалось что-то третье, наверное, самое важное: стало трудно дышать».

Наступил момент осознания того, что «второй», обыденный мир реален, как гвоздь в прохудившемся башмаке, и проигран зилловыми в чистую, захвачен карьеристами и конформистами, «официантами», если вспомнить еще одного персонажа «Утиной охоты».

Нет, не просто «неверие в соборы» ступило Зилова; его ступила неопределенность самого предмета веры, во-первых, и еще — оторванность глубоко запрятанных в душе «святынь» (ценностей) от повседневного бытия, от жизненной почвы.

А дальше началось, действительно, разрушение личности Зилова.

Природа зиловского «прожигания жизни» внутренне парадоксальна. Он остается ведь верен атмосфере своей юности, «духовному плану» (который все более теряет живое наполнение, уходит все глубже «внутрь»). Он ждет чуда, ждет момента, когда он, наконец, сможет быть всецело самим собой, собой настоящим, — и в какой-то момент начинает действовать логика «противоположного жеста» (помните «Идиот» Достоевского, князя Мышкина?), логика странная, но и без Достоевского знакомая каждому. И раз уж зазор между романтическим представлением о себе и своим же повседневным бытием так велик,

почему же ему не стать еще больше? И полюса еще больше разъезжаются: все больше иронии, все реже приоткрывает он перед людьми свое «подлинное» лицо. А в итоге...

«Маска приклеивается к лицу человека настолько прочно, что он уже не в силах содрать ее. И тогда маска начинает заменять ему собственную личность, а прежняя... превращается в призрак воспоминания, в самообман. Эта ситуация может показаться даже комической, но по сути она всегда трагически невыносима для человека. И если жизнь все-таки с человека эту маску сорвет, то образ возникает еще более кошмарный: под нею и за нею собственного лица уже вообще нет... Человек без лица, как часы без стрелок... Это боль заживо похороненного». Покончивший с собой философ Эвальд Ильенков (тоже страдавший от алкоголизма — еще один вариант Зилова?) написал эти строки об одном из фильмов И.Бергмана, но разве же это не о себе, не о Зилове?

Мотив трагедии особенно сильно звучит в «Утиной охоте» в сцене объяснения Зилова с женой. Зилов здесь искренен: «А когда поднимается солнце? О! Это как в церкви и даже почище, чем в церкви... А ночь? Боже мой! Знаешь, какая это тишина? Тебя там нет, ты понимаешь? Нет! Ты еще не родился... И уток ты увидишь. Обязательно. На охоту я не взял бы с собой ни одну женщину. Только тебя... И знаешь почему? Потому что я тебя люблю... Ты слышишь? Ну открой же меня!»

ИРИНА. Открыть? Разве ты закрыт?»

Весь свой пронзительный монолог Зилов произносит, обращаясь к белому прямоугольнику закрытой двери. Как потрясающе сфокусирована в этой детали история вампиловского героя, его трагедия несовпадения с самим собой! А со стороны сцена и впрямь может показаться полуфарсовой, потешной... Теперь можно вернуться к мысли Т.Чиладзе о том, что герои-де Вампилова не «живут», а «играют в жизнь». Да, Зилов играл — в «другую жизнь», — но только это стало его трагедией, разрушило его личность.

Тут самое время задать вопрос: а был ли у Зилова иной выход?

Иркутск

Окончание следует.

В нынешнем году Александру Вампилову исполнилось бы 60 лет. На родине драматурга, в Иркутске, 1997-й и называли — «Год Вампилова», и отметили его как сумели: прошел театральный фестиваль «Байкальские встречи», приезжали столичные гости — Станислав Любшин, Марк Розовский; коллективы из Улан-Удэ, Омска, других российских городов...

И все-таки событие получилось скорее локальным. Вечно занятая собором Москва «год Вампилова» почти не заметила. Иные нынче модные кумиры, и не Вампилова нынче обсуждают в столичных «тусовках». А главное — почти не ставят.

Между тем Вампилов, убежден, все еще далеко не разгадан, а его нравственный опыт нам более чем необходим.

«Вампиловские люди — это сугубо литературные явления, дитя «второй действительности». Театр для них не только родимый дом, они живут именно на сцене, ни один драматург не несет с собой столько условности, как этот, на первый взгляд, «бытовой» писатель... Вампиловские люди не живут, а играют... Верить Вампилову на слово нельзя», — утверждал писатель Тамаз Чиладзе на страницах альманаха «Современная драматургия» (1984, №4). Здесь, конечно, прохит своеобразный водораздел: можно трактовать Вампилова так, а можно — совсем иначе. Убежден: Вампилов и может-то быть понят до конца лишь как посредник между нами и нашей же жизнью — еще не осознанной нами во всей ее обыкновенной бесконечности.

Жизнь своего поколения, его драму Вампилов ощущал необычайно глубоко.

Поколение Вампилова испытало, по словам критика Игоря Золотусского, «страшную драму»: «Выйдя на освещенную сторону и воспрняв, оно вскоре снова было накрыто тенью, вынуждено было ломать себя и искать выхода...» Правда, литературоведам «советского закала» судьба этого поколения виделась, разумеется, по-другому.

Вспомним «Утиную охоту», пьесу, о которой спорили больше всего, и Зилова, этого самого тревожащего душу вампиловского героя.

«Социальный паразитизм — главное в этом молодом человеке, всем видом своим выражающем усталость, небрежность и равнодушие», — таким видит Зилова Н.Тендитник, автор вышедшей в 1981 году в Иркутске книги «Мастера». «Жизнь дала ему все: возможность получить образование, творческую работу... Читатель и зритель видят человека, руководствующегося лишь эгоистическими побуждениями, опасного для окружающих... Микробы этой болезни паразитируют на самом святом — стремлении общества к созданию благ человеку». Самый стиль любопытен: микробы... паразитирующие на... «стремлении общества», — видимо, некие социальные микробы?

Ход же мысли весьма понятен: на фоне той абстрактной конструкции, некоего «рая земного», которую Н.Тендитник подставляет на место реального советского общества 60-х, Зилов и впрямь кажется какой-то чумой — неизвестно откуда взявшейся, — которую надо вовремя «распознать» и «удалить». Логика очень удобная и успокоительная (а также охранительная) — логика «изоляция